

Поэт-сатирик Юрий Благов, в прошлом артист эстрады, прославился эпиграммой, которая живет и «действует» вот уже сорок лет. Когда в 1953 году Коммунистическая партия и Советское правительство потребовали от писателей появления «новых Гоголей и Щедриных», Благов внес уточнение: «Мы за смех, но нам нужны подорожее Щедрины и такие Гоголи, чтобы нас не трогали». Сейчас Ю. Благов закончил «Мемуары сатирика», отрывок из которых мы публикуем.

Юрий БЛАГОВ ДЕБЮТ В КИНО

ИЗ СОКОЛЬСКИХ НЕ УВОЛЬНЯЮТ

ОСЕНЬЮ сорокового въехал я на тринадцатый этаж гостиницы «Москва» в крохотный номерок 1314 и каждый месяц отваливал за него 450, а получал 400. Именно такую сумму выделяла Всесоюзная студия эстрадного искусства, нечто вроде курсов по повышению квалификации, куда меня направила Самарская филармония. В Самаре я легко бы заработал на гостиницу, а здесь художник Н. П. Смирнов-Сокольский запретил студийцам вылезать на эстраду до тех пор, пока не выплывет из них нечто невиданное. Из меня, в частности, — «советского куплетиста», о чем даже в «Известиях» упоминал.

Лепка, однако, проходила медленно, поскольку эстрадные драматурги, облепившие студию, либо писали не то, что им заказывали, либо ограничивались получением аванса. Когда же студийцы начинали роптать, Смирнов-Сокольский рычал: «Что значит репертуар?.. В 1915 году Мамонт Дальский прочитал в ресторане меню так, что мы в одном месте хохотали, а в другом — плакали... А вы говорите — репертуар...» Спорить с художником никто не решался, тем более, по его же словам, «не родился еще человек, способный меня переорать»...

Смирнов-Сокольский — целая эпоха на эстраде, и даже не одна: в первую мировую он пел: «придет сентябрь — шинель надену»; при ноте жаловался: «извозчики дорого просят, наркомпросы не наркомпросят»; всю жизнь издевался над невеждами, которые «путают Гоголя с Гегелем и Бабеля с Бабелем», причем острил, когда Бабель был арестован и его фамилию старались вслух не произносить; в дни Отечественной Сокольский честно предупреждал Гитлера, что «народ, который в тридцатиградусный мороз на улицах и на катках ест мороженое, победить невозможно»...

И вне эстрады он был просто неотразим. После войны прошла по Москве волна грабежей, и однажды эстрадники, закончив концерт, заглянули к одному из участников, проживавшему отнюдь не в центре города, и Рина Зеленая озабоченно спросила хозяина: «Со сколько на вашей улице раздевают?» Сокольский пояснил: «С семнадцати до тридцати пяти, можешь не волноваться»...

Когда эстрадное начальство слетало со своих высот, он потирал руки: «Меня-то из сокольских никто не уволит»...

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ НА «МОСФИЛЬМЕ»

ПРЕБЫВАНИЕ в центре Москвы приоткрыло для меня новые горизонты. Я узнал, что девушка, с которой потанцевал в ресторане, знакома с режиссером Доллером, а он, Доллер, вместе со знаменитым Пудовкиным тогда работал над фильмом «Суворов». Сниматься в кино меня еще в Самаре приглашал заезжий мосфильмовец, даже фотопробы сделал, но картину, которую он представлял — «Бальзак в России», — с производства сняли. Однако Суворов — не Бальзак, его-то уж не снимут, в том смысле, что именно снимут, прошу извинить за неловкий каламбур.

И вот знакомая девушка шепнула Доллеру, тот сказал ассистентке, и в моем номере раздался телефонный звонок с приглашением приехать на съемку. Быть на «Мосфильме» следовало в семь утра. Я попросил дежурную разбудить меня в 5.30. «Вы уезжаете?» — спросила она. Я небрежно ответил: «Да, на съемку...» Всю ночь не сомкнул глаз... Подумать только, дебют в кино! Для начала, возможно, массовка, но потом — минимум эпизод, я же «от Доллера» все-таки... Побрился, оделся, вызвал лифт, который страшно долго не появлялся, а лестницы с тринадцатого этажа нет, только пожарная. Но вот нырнул в метро «Площадь Революции», вынырнул в «Киевской», втиснулся в троллейбус и удивился, что на остановке «Мосфильм» вышли сплошные старики. Но тут же сообразил, что в суворовские времена солдаты служили по двадцать пять лет.

В гулком и мрачном вестибюле студии главными персонажами оказались гардеробщицы, оравшие на массовку, неправильно свертывавшую свою одежду. Иные суворовцы были еще в пальто и шляпах, а иные уже в красных мундирах, белых штанах, картонных киверах и в клеенчатых голенищах, из-под которых выглядывали гражданские башмаки. Когда я «мобилизовался», мне вручили талон, который по окончании съемок надлежало отметить, иначе не выдадут денег. Ассистентка, к которой я обратился, сказала, что «от Доллера», привела меня в примерную, скомандовав: «Благова — как следует, он будет возле барабана» — и ушла. Мое мальчишеское лицо оседлало толстые и жирные усы, то и дело норовившие залезть в рот.

Наконец, всех нас позвали в огромный павильон, изображавший Альпы. Видимо, летом лето снять не успели и соорудили лето зимой: скотили из досок горбатую дорогу, завалили ее всамделишными камнями, а обочину — мочалой, окрашенной в зеленый цвет. На заднике — снежный склон, облака и сетка перед ними в роли утренней дымки. Под потолком возились ос-

ветители, возле аппарата — ассистенты, туда-сюда бегали помощники, и лишь массовка переминалась с ноги на ногу. Но вот появился Суворов, за ним — еще один: исполнитель и дублер. Оба одеты одинаково, но совсем друг на друга не похожи. Как мне объяснили, сходство не обязательно, одного снимут крупным планом, другого — общим.

Вскоре вбежал Пудовкин, с кем-то на ходу споря, споткнулся о придорожный камень, но сумел удержаться на ногах... О его темпераменте я впоследствии слышал много всяких баек. Одна — в дни войны — такая: ему сказали, что какую-то деталь снимать нельзя, потому что «эпоха не та», и он взорвался: «а питания та?..» Фраза эта быстро сделалась нарицательной.

● Кадр из фильма «Поезд идет на восток» (режиссер Ю. Райзман). В ролях — Л. Драновская (в центре) и Ю. Благов (слева).

Однако вернемся к «Суворову»... Когда постановочная группа оказалась в сборе, свет в павильоне погас, и все опять ушли. Кроме массовки, которой податься было некуда. Наконец, ассистентка собрала нас и пояснила задачу: Суворов, показав на горы, спросит, «ну что, орлы, перемахнем пригорочек?..» — мы восторженно загочем, — для него, дескать, все — пригорочек... Это — одна сцена. Вторая — полководец поедет в коляске, и мы, солдаты, некоторое время побежим за ним. Снимать будут со спины. Всё.

А как же барабан?.. После этих слов усы мне сделались еще противнее, в полумраке я присел на деревянный бугорок и задремал. Вдруг почувствовал, что кто-то меня дергает за ногу... Оказывается, под бугорком набились суворовцы и приглашают к себе. Я влез, пристроился поудобнее и уже сквозь сон услышал и обращение генералиссимуса, и хохот солдат... А через некоторое время — и цокот лошадиных копыт над головой...

А потом мы один за другим выползли из своего укрытия и пошли отмечать талоны на оплату. На

этом мой первый съемочный день закончился.

Однако цифры 450 и 400 оставались в силе, и дня через два мы, суворовцы, ползали по заснеженному оврагу возле студии, а командовал нами каскадер Глеб Рождественский, он же — Суворов-2. Снимать нас не стали, но за «освоение» тоже выдали талоны.

УБЕРИТЕ САМОЙЛОВА!

В АКТЕРСКОМ отделе обнаружили во мне сходство с артистом Евгением Самойловым и спросили, согласен ли я сниматься в качестве его дублера? А мне — лишь бы сниматься... К тому же всю жизнь говорили, что я на кого-нибудь похож: в юности — на Есенина, в молодости, выходит, на Самойлова, а теперь, говорят, на Силаева.

В те времена режиссер Андриевский снимал фильм, состоявший из трех новелл. В одной, «средневековой», сжигали еретика, которого играл Самойлов, но он был занят в театре, и жгли меня. В январский мороз облачили в холщовую рубашу с открытым воротом, в узкие панталоны, чулки и какие-то квадратные ботинки. Обвязали снизу доверху веревкой, прислонили к столбу, а в еле тлеющий у ног костер плеснули бензин. Пламя обожгло щеки, глаза начали слезиться, брови трещать, в ноздри набился дым. Но я все это вытерпел, хотя мог в случае чего прыгнуть в сторону — к столбу-то я был не привязан, а прислонен...

С моим дублерством однажды получился конфуз: в комедии «Сердца четырех» я «вчистую» изображал офицера, тогда как героем был все тот же Самойлов. Сцену, в которой я с приятелями вхожу в дом, сняли, а потом режиссер Юдин, просматривая материал, воскликнул: «А Самойлов-то как сюда попал, по сценарию он быть не должен!» И меня заменил другим актером...

Дружеский шарж И. ИГИНА.